

Позитивная картина мира, складывающаяся в детские годы, зависит от того, какой след в сознании человека оставили музыка, поэзия, живопись, театр. Потому что академическое (классическое, народное, современное) искусство воспроизводит привлекательную картину мира, целостный характер подлинной личности. Другая фундаментальная особенность воздействия искусства на становление личности человека: и спонтанное раскрытие малыша в раннем онтогенезе, и игровая деятельность дошкольника, и обучение-развитие школьника внутренне строятся на содержании художественного образа. Именно художественно-образное мышление питает когнитивные, предметные и другие познавательные идеи детей и молодежи. Оно заставляет работать их воображение как первоначальное видение целого, их фантазию — как свободную, а затем и определенную детализацию всякого целого — и художественного и предметного.

Так при помощи искусства, «запускающего» образное мышление, человек получает возможность творчества в любой деятельности. Искусство делает человека личностью. В этом и есть пафос антропологического подхода. Человек изменяется как вид при последовательном освоении искусства. Появляется возможность творчески переживать свое личностное становление при помощи красок, форм и других выразительных средств и смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклыгин А. Л. Преображение духа школы // Играем с начала. 2009. № 03(65). С. 3.
2. Никитина Л. А. Исповедь. М.: Знание, 1991. 192 с.
3. Поголицына Ф. В. И пробуждается поэзия во мне. М.: Знание, 1988. 96 с.
4. Попов В. С. Пробуждение души. М.: Знание, 1990. № 3.
5. Ражников В. Г. Антропологический характер препятствий в педагогике и психологии искусства // Играем с начала. 2008. № 5-6 (55-56). С. 3.
6. Рубан М. Л. Эстетическое воспитание и развитие подростка как один из факторов социализации личности. М.: Первое сентября, 2004.

*Татьяна Сергеевна КОЛОМЕЙЦЕВА —
соискатель кафедры философии
и политологии*

*Уральской академии государственной службы
(г. Екатеринбург)
kolomeytseva@yandex.ru*

УДК 130.32

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ И.А. ИЛЬИНА К ПРОБЛЕМАМ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

ANTHROPOLOGICAL SUBSTANTIATION OF I.A. ILYIN'S REFERENCE TO THE PROBLEMS OF HEGEL'S GNOSIOLOGY

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается гносеологический аспект исследования И.А. Ильиным философско-антропологических проблем Гегеля. Обосновывая методологию особого философского опыта, Ильин приходит к пересмотру значения роли человека в гегелевской философской системе.

SUMMARY. The paper considers the gnosiological aspect of I.A. Ilyin's research of anthropological problems of Hegel's philosophy. Giving ground to the methodology of

special philosophical experience, Ilyin comes to the revision of the person's role value in Hegel's philosophical system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Проблема человека в философии Гегеля, философия духовного опыта Ильина.

KEY WORDS. Problem of the person in Hegel's philosophy, Ilyin's philosophy of spiritual experience.

Проблема человека — сквозная тема в философии И.А. Ильина. В его историко-философских, религиоведческих, культурологических, публицистических сочинениях основное внимание уделено значению человеческой активности, его духовной и практической деятельности. Человек, по Ильину, полностью, всем своим существом вовлечен в тот или иной процесс, всегда устремлен к чему-то, и эта устремленность носит экзистенциальный характер, проявляясь в различных сферах человеческой жизни. Поэтому практически в любом исследовании, посвященном философии Ильина, можно встретить различные антропологические вариации.

Проблема человека наиболее целенаправленно становится предметом исследования таких ученых, как И.А. Дудина [1], Д.А. Честнейшина [2]. Антропологические аспекты гегелеведения Ильина изучают А.А. Самохина [3], И.И. Евлампиев [4], В. Офферманс [5]. В нашей работе предпринимается попытка проследить антропологический аспект понимания Ильиным особенностей гносеологии Гегеля.

Методологии «Философии Гегеля...» Ильина посвящены статьи В.В. Зеньковского [6], А.Ф. Замалеева [7], И. Фечера [8]. Материалистический подход к феноменологии Ильина можно найти у А.Г. Вашестова [9]. Среди современных исследователей по методологической проблематике гегелевской критики Ильина необходимо отметить А.А. Самохину [3], В.И. Кураева [9], О. Сумина [10].

С точки зрения методологии А.А. Самохина в доэмигрантском периоде творчества И.А. Ильина выделяет два этапа [3; 59]. Разделяющим их рубежом явилась научная командировка И.А. Ильина в Германию, где он изучал феноменологию Гуссерля. Во всех последовавших за этой командировкой работах по истории философии Ильин начинает свой анализ, используя феноменологический метод.

Феноменология для Ильина — это возвращение гегелевского идеала философии как основной формы мировоззрения. Путь этого возвращения — исследование проблемы человека в качестве отправной точки для исследования онтологических вопросов. В работе «Философия Фихте как религия совести»^{*} русский философ утверждает: «Нельзя судить о мире, нельзя постигнуть бытие Божие, не исследовав способности человеческой души и ее необходимые формы познания» [12; 481]. К.Н. Любутин справедливо отмечал: «принятие «человека» за исходную точку философского анализа и составляет суть антропологического принципа как методологического приема» [13; 71]. Ильин через внимание к проблеме познания начинает свой анализ с человека, и к человеку приходит в завершении исследования.

В гегелевской философии Ильина интересовала в первую очередь гносеология. И это неслучайно, ведь именно в познании проявляет свою активность философ, именно в процессе постоянного постижения сути исследуемого предмета он реализует свой жизненный потенциал. Познание и действие играют

^{*} Опубликована в 1914 г., в это время Ильин уже занимался осмыслением гегелевской философии.

ключевую роль в становлении истинного человека: «этот способ бытия определяется как живое знание себя и свободное воление себя» [14; 285]. А.А. Александров, используя категории психологической науки, совершенно точно определяет такой процесс как «интериоризацию», «глубокое вживание» в суть изучаемого предмета, до тех пор, пока она не станет «неотъемлемой частью сознания индивида» [15; 100].

Гносеологическими преимуществами Ильин объяснял свои призывы к «возрождению гегелианства»: «влияние Гегеля, с такою силою и настойчивостью противопоставлявшего объективизм и очевидность философского знания субъективной уверенности, произволу и усмотрению, может оказаться воспитывающим сразу и в сторону большого, интуитивно-мыслящего дерзания, и в сторону большого познавательного отречения субъекта от себя, от своего эмпирического самочувствия, своих расплывчатых субъективных настроений и мнимых «откровений», не поддающихся предметному оправданию» [14; 22].

Из приведенной выше цитаты следуют основные характеристики гегелевского познавательного метода по Ильину:

— философское познание — это познание объективное, строгое, научное, «универсальное» [14; 21];

— метод Гегеля — это метод «творческой, систематически осуществляемой» [14; 21] мыслящей интуиции;

— особое значение в этой связи играет «познавательная и духовная ответственность» [14; 21] философа как в постановке вопроса, так и в процессе осуществления познания.

Впервые Ильин высказал идею о том, что философский акт Гегеля осуществляется интуицией (и это стало новым словом в мировом гегелеведении), несмотря на то, что сам Гегель воспевал мощь и самодостаточность человеческого разума и отрицал какие-либо внелогические аспекты постижения мира. Сколько ни отрещивался Гегель от всего «человеческого» в познании, сколько он ни призывал к отрешению от «субъективных настроений», все же Ильин находит в его методе экзистенциальные черты вполне «человеческого способа ... видеть вещи и подходить к ним» [14; 24]. Приведем примеры:

— *мечтательность* («мечта о божественности мира, о космосе-организме, раз осенив душу Гегеля, не оставляла ее до конца» [14; 204]);

— *склонность к (само?)обману* (Гегель «всегда мечтает о максимальных перспективах замысла, но говорит о них в тоне достижения» [14; 200]);

— *гордыня* («весь рационализм Гегеля покоится на этом принципиально-горделивом и в то же время беспомощном отказе иметь дело с чем-нибудь, что неимманентно мысли» [14; 486]);

— *страх* («когда философия истории поставила перед ним задачу осмыслить эмпирически-единичное, как спекулятивно-единственное, Гегель не решился выговорить всего и принять все выводы» [14; 205]);

— *гнев* («мечта о том, что мир целостно прекрасен, наталкивается на упорство эмпирического множества и приводит к гневным попыткам отвергнуть бытие чувственного мира» [14; 214]);

— *стремление к «политическому наставничеству, руководительству»* [14; 452] («конкретное начертание государственного «образа» все время превращается у Гегеля в своеобразное политическое врачевание» [14; 252]);

— *религиозная вера* («единство исторического субъекта остается религиозным постулатом, лишенным эмпирического и философского оправдания» [14; 467]).

Несмотря на разоблачение вышперечисленных «грехов» Гегеля, Ильин относится к немецкому философу с нескрываемым уважением, отмечая следующие качества Гегеля как ученого:

— *«героический полет мысли и воли»* [14; 467];

— *«принципиальность, верность идее»* («оптимизм его коренился не в субъективном душевном равновесии и не в наивном или ограниченном прекраснодушии, но в сознательном и принципиальном воззрении на сущность философии» [14; 275], «все основное содержание его теории добыто путем опытного исследования, и в этом он остается верен себе как в логике, психологии, эстетике, так и в науке права» [14; 297]);

— *«классический аристократизм»* («Гегель и в философии права остается певцом духа-победителя: Бога, победоносно освобождающего себя в мире» [14; 304]);

— *любовь* («Евангелие указало Гегелю на приемлющую, примиряющую и сращивающую души силу любви; он повторил этот духовный опыт, усвоил его и увидел в любви ту первоначальную, чувствующую силу души, которая преодолевает видимую «особенность» и «разъединенность» людей» [14; 472]).

Таким образом, Гегель в описании Ильина предстает перед нами великим человеком, но все же человеком. Гегель берет на себя смелость утверждать правоту своей теории, прилагая к этому всю свою силу и всю свою волю, постоянно работает над воплощением замысла. Ильин анализирует этот процесс работы, показывает эволюцию взглядов немецкого философа, развитие мысли в результате последовательных познавательных действий. «Тот, кто действует, тот «производит изменения» в наличном, данном существовании мира... Поэтому для бесконечной воли действовать — значит повергать себя в состояние конечности и раздвоения, предавать одну сторону своего существа дурным законам конкретного-эмпирического мира и тем принимать на себя вину. Тот, кто действует, тот приемлет вину и муку мирозидания ... » [14; 348]. «Вина» Гегеля — это вина любого мыслящего человека*.

Ильин сочувствует Гегелю и одновременно предъявляет ему определенные требования, словно Гегель является его современником, словно спор происходит не теоретический, а реальный, и от его исхода зависит ход последующих событий. В этой связи можно отметить как минимум две исторические тенденции, оказавшие влияние на интерпретацию Ильиным гегелевской философии.

Во-первых, это действительная острота политического момента, когда задумывался и воплощался замысел «Философии Гегеля как конкретности Бога и человека»: Первая мировая война, русские революционные события. В этот поистине трагический период истории обострилась человеческая потребность в осознанном действии: с одной стороны, невозможно отстраненно взирать на происходящее, но, с другой стороны, для того, чтобы решиться на что-то, нужна причина, превосходящая по своей силе тот ужас, который охватывает чело-

* Сам И.А. Ильин не является исключением из этого правила. Иван Ильин, предпринявший колоссальный труд по исследованию Гегеля, обвиняется сегодня О. Суминым в том же, в чем столетие назад Ильин винил Гегеля: в выдавании собственных гносеологических затруднений за промахи анализируемого философа: «Свою собственную неспособность «видеть» только мыслью Ильин объявляет неспособностью философии видеть «наличное объективное содержание» или ее способностью «видеть то, чего нет»» [10].

века. Экзистенциальное предчувствие человеческого бессилия, принципиальной неспособности человека изменить ход истории Ильин со всей остротой передает в своем исследовании философии Гегеля.

Во-вторых, это традиция русской философской мысли всегда быть основой для практического действия, особенно в период воплощенного столкновения «материализма» и «идеализма» в пору русской революции. По точному выражению М.А. Колерова, «идеалистическое направление» не являлось только философской школой или идейным течением — оно постоянно стремилось стать синтетическим методом философского мирозерцания и политической практики ... » [16; 142] «Возрождение гегелианства» как необходимость философского опыта-действия, провозглашенного Ильиным, можно назвать отголоском «возрождения идеализма», к которому призывал с начала 1900-х гг. университетский наставник Ильина П.И. Новгородцев: «поставленный среди этих противоречий, среди этой жизненной борьбы, человек невольно призывается к тому, чтобы отдавать отчет в совершающемся перед ним процессе, оценивать разнообразные исторические течения и становиться на ту или другую сторону; говоря иначе, он невольно призывается к сознательной оценке существующего и к идеальным построениям» [17; 530].

К такой «сознательной оценке существующего» призывал в свое время Гегель, провозглашая разум источником истинного знания. Критикуя это ограничение, Ильин показывает не только Гегеля-исследователя, обреченного на сизифовы муки: ««Вещь», «психическое», «религиозное», «нравственное», «историческое» — все это суть предметы, с которыми философия не может не иметь дела, но которые в то же время существуют не в элементе логического. И вот Гегелю приходится, каждый раз, как его философия касается одной из этих областей, приспособляться, перестраивать акт познания и на пути обхода утверждать «разумность» исследуемой сферы [14; 487]. Человек, находящийся внутри гегелевской системы, испытывает не меньшие страдания: «рок тяготеет над человеком, страдание и гибель — его удел» [14; 462].

Что приводит к такому неутешительному результату? Неспособность гегелевского человека усмирить в себе то, что противоречит ритму Духа. Ильин видит в человеке не только разум, но и «особливый характер лица, его склонности, его темперамент, его отношение к миру и людям и к собственному телу» [14; 393]. Но, по Гегелю, жизнь человека находит свое оправдание только в практическом последовательном приобщении к реализации метафизической «цели», выраженной в Духе [14; 384]. Эта цель всепроникающая, ею дышит и движется всемирная история. Обязанность человека — принять этот закон, сделать его законом собственной жизни. Судьба человека должна стать вкладом в действительную реализацию общей цели. Но цель эта, как показывает Ильин, совершенно не реализуема. Здесь Ильин предвосхищает философские идеи М. Хайдеггера, который дает описание ситуации, когда то, что «требует осмысления, отвернулось от человека», и в том нет людской вины, это произошло «не потому, что человек недостаточно повернулся к тому, что требует осмысления» [18; 240]. У Ильина гегелевский Бог, отпустив себя в эмпирический мир, утратил шансы вернуть свое совершенство, что для человека означает бесконечную борьбу с мировым злом. Человек продолжает всеми силами стремиться к максимальному воплощению Понятия в общественной жизни, в индивидуальном познании как напряжении всех душевных и духовных сил (вспомним в этой связи хайдеггеровский экзистенциал заботы).

И.А. Ильин наделяет человека «существованием», но лишает его первоначальной гегелевской «сущности». Значимыми, бунтующими против Понятия, становятся все вещи, все явления эмпирического мира. Главный критерий истины — «Абсолютная идея» — свергнут с пьедестала. В этой связи для человека единственным гарантом получения истины через «вживание» в предмет становится он сам. Таким образом, вопрос истинности познания — это вопрос ответственности человека перед миром. Именно поэтому для Ильина так важна гегелевская гносеология. Как Новгородцев сближает фигуру Сократа с Иисусом Христом [19], так Ильин в последних строках своей книги уподобляет замысел Гегеля* замыслу ветхозаветного Бога: «Философия Гегеля, как всякая подлинная философия, получает свою судьбу от своего предмета: задание ее, почерпнутое из основного откровения, превышает осуществленное ею учение так, как сущность Божия превышает пути и судьбы Субстанции в мире» [14; 499].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дудина И.А. Проблема человека в философии И.А. Ильина: Дисс. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003. 200 с.
2. Честнейшина Д.А. Социально-философская антропология И.А. Ильина: Дисс. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2006. 226 с.
3. Самохина А.А. Проблема человека в произведениях И.А. Ильина доэмигрантского периода: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1996. 150 с.
4. Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. 511 с.
5. Офферманс В. Человек, обрети значительность? // Московский журнал. 1993. № 7. С. 16-21.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Соч. в 2 тт. Л.: Прометей, 1991.
7. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI-XX вв.). СПб.: ИТД «Летний сад», 2001. 398 с.
8. Фечер И. Анри Ниэль и «О посредничестве в философии Гегеля» (376 с. Обьер, Париж, 1945) [и] Иван Ильин. «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2-х т. Т. 2. М.: Русская мысль, 2002. С. 486-495.
9. Кураев В.И. И.А. Ильин: философия духовного опыта // История русской философии: Учебник / Под ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008. 638 с.
10. Вашестов А.Г. Феноменологическая философия И.А. Ильина: (Крит. анализ) // Из истории философской мысли России второй половины XIX - начала XX вв.: (Сборник). М., 1984. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18246 от 11.09.84. С. 176-200.
11. Сумин О. Гегель как судьба России // <http://sumin.copula.ru>.
12. Ильин А.А. Философия Фихте как религия совести // Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998. С. 478-501.
13. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 416 с.
14. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 542 с.
15. Александров А.А. Проблема человека в философии Гегеля. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 475 с.
16. Колеров М.А. Idealisimus militans: история и общественный смысл сборника «Проблемы идеализма» // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. (Серия: «Исследования по истории русской мысли») С. 61-224.

* Равно как замысел любого настоящего философа, мыслящего, вслед за Гегелем, в духе «интеллектуальной интуиции».

17. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. (Серия: «Исследования по истории русской мысли») С. 505-575.

18. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие. В 3-х ч. Ч. 2. М.: ВЛАДОС, 2001. С. 229-243.

19. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

20. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта: исследование. М.: АСТ, 2006. 668 с.

*Михаил Григорьевич ГАНОПОЛЬСКИЙ —
главный научный сотрудник
лаборатории антропологии и этнографии
Института проблем освоения Севера СО РАН,
доктор философских наук, профессор*

*Федор Андреевич СЕЛИВАНОВ —
профессор кафедры философии
Тюменского государственного нефтегазового университета,
доктор философских наук,
заслуженный деятель науки РФ
gmichaelg@mail.ru
gamig@gala.net*

УДК 179.6

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ТРУДОВОГО ГЕРОИЗМА

ANCIENT SOURCES OF LABOUR HEROISM

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы современные тенденции и идейные истоки трудового героизма. Показана роль античной мифологии и средневековой теологии в формировании героического трудового этоса.

SUMMARY. Contemporary tendencies and idea sources of labour heroism are analysed in the given article. The role of ancient mythology and medieval theology in the formation of the heroic labour ethos is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Трудовой героизм, трудовой этос, теология труда, мифология труда.

KEY WORDS. Labour heroism, labour ethos, labour theology, labour mythology.

Обратиться к теме трудового героизма (а в какой-то мере и возвратиться к ней [1]), нас побудило недавно опубликованное стихотворение Александра Городницкого. Приведем его заключительный фрагмент:

.....
За столетием гонит столетье
Надзиратель, сошедший с ума.
То нагайка, то барские плети,
Беломорье, Норильск, Колыма.
В тех краях, где бездонны болота
И студень дуют ветра,
Слово «рабство» и слово «работа»
Неразлучны, как брат и сестра.
И в столице Великой державы,
И на дальнем ее рубеже
Делом доблести, чести и славы
Никогда не бывает ей уже.